

в Морею. В этом проявилась обычная двойственность политики Венеции²⁵. При наличии нескольких суверенных владений в Пелопоннесе император вынужден был один производить затраты на оборону полуострова. В осуществлении этого огромного по тем временам строительства Мануил обязал принимать участие всех архонтов Мореи. Это послужило поводом для оппозиционных выступлений пелопоннесских топархов, которые, не будучи сами заинтересованы в укреплении и обороне государства, стали оказывать императору яростное сопротивление. Говоря о них, Мазарис применяет глагол *ἐπαιστήρι*, что не оставляет сомнения в характере их сопротивления. Это было самое настоящее восстание феодалов против императора, вынужденного также открыть военные действия. Упоминание, правда очень сухое, о таком весьма интересном в истории византийского феодализма факте есть и у Халкокондила, из произведения которого мы узнаем также, что это восстание кончилось поражением топархов и отправкой зачинщиков в Константинополь²⁶. Состав участников мятежа остается, к сожалению, неизвестным. Мазарис, правда, упоминает «вооруженного серпом» Геллеавурка, очевидно, вождя мятежников, но лишь вскользь, другие же источники совсем никаких сведений о мятежниках не дают.

Позиция самого Мазариса в этом деле не оставляет никаких сомнений. Он враг феодальной раздробленности, возмущающийся поведением этих «смертью дышащих топархов», «неверных по отношению к императору и деспотам». Эти топархи «радовались сражениям и беспорядкам» и «каждый из них заботился только о создании собственной тирании». Симпатии же его на стороне императора, его он, помимо обычных титулов и эпитетов, называет «благодетелем и спасителем», «вождем и хранителем». Его деяния он ставит выше подвигов Геракла, считает нужным «славить и возвеличивать» его. Автор сатиры негодует на сепаратизм и непокорность архонтов, которые не выполняют приказаний самодержца и даже покушаются на его жизнь. И это не простая лесть, но отчетливое понимание того, что государство может найти спасение только в усилении центрального правительства.

Приверженность Мазариса к крепкой императорской власти проявляется не только в том, что он возмущается неверностью коварных топархов. Он бесспорно одобряет все действия, направленные на восстановление единства империи и ее прежних границ. Ему импонирует, что император за три месяца подчинил себе «мятежный остров Фасос». Этот факт подтверждает и Сфрандзи²⁷. Однако почему императору пришлось подчинить себе этот остров, входивший всегда в состав империи, историк не объясняет. В 15-й главе сатиры упоминается покупка Фасоса неким Раулем Мирмеком, зятем константинопольского чиновника Мускарена, которого автор называет Иудой Искаротом, «склонным к латинству, противником символа веры». На основании этого можно заключить, что с точки зрения автора эта операция была предательством по отношению к империи. Другие источники о продаже Фасоса ничего не говорят, но купля-продажа городов и областей была обычным для того времени явлением. Деспот Феодор I продал иоаннитам в 1400 г. Коринф и Мистру, а старший сын императора Мануила Андроник, будучи правителем Фессалоники, продал ее венецианцам в 1423 г.²⁸ Известно, что продажа Мистры вызвала недоволь-

²⁵ Неволею венецианцы оказались самыми дальновидными. Стена не принесла пользы. Уже в мае 1423 г. янычары легко преодолели ее и ворвались в Морею. Греки напрасно надеялись, что, как и во времена персов, такая преграда сделает Пелопоннес недоступным для врагов.

²⁶ Chalcocondylas, p. 184.

²⁷ Phrantzes, p. 96.

²⁸ Ibid., p. 122.